

Человек не должен привыкать к холоду

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Питер более провинциален и тяготеет к традиционным стиховым формам. Во-вторых, Питер в отличие от Москвы – против песенности, эстрадности и всего, что произносится со сцены, это Ленинграду всегда было чуждо. Кушнер писал: «Еще чего – гитара! Засученный рукав. Любезная отрава, засунь ее за шкаф. Пускай на ней играет Григорьев по ночам, как это подбавляет разгульным москвичам...» Главное в Питере – быть, а не казаться... Я говорю о принципиальных различиях. Там – на глубину, без внешнего аффекта, тут наоборот. Глеб Семенов, наш учитель, запрещал нам на литобъединении читать красиво. «Нечего приукрашивать то, чего у тебя нет!» Читать полагалось уныло и однотонно.

– Но, между прочим, лидером питерской поэзии в мировом масштабе стал Бродский, а человек он был честолюбивый и читал с большим аффектом (я его слышала в Америке). Может, и монотонно, но весьма форсированно.

– Бродского в нашей компании не было. Это иная группа и школа. Но Бродский в принципе стоит особняком от всех. Недаром он – из питерских поэтов нашего поколения – породил больше всех подражателей.

– Я много лет занимаюсь со студентами Литинститута и свидетельствую: подражание Бродскому вездесуще и, хоть он гений, тупиково.

– А подражание кому из гениев не тупиково? Разве что Пушкину... Я, например, считаю, что версия, будто Державин передал лиру Пушкину, неверна. Как говорят, Державин приехал в Липецк, у него были проблемы с простатой, ему было много лет, и он замерз в дороге – в общем, спросил, где нужник, крахтя, добрался до кушетки за голландской печкой и в залу вообще не выходил.

– Державин Державиним, а ты знал Бродского лично?

– Основная наша беседа состоялась в 1961 году. 29 ноября. Я хорошо запомнил эту дату, потому что она многое значит в моей жизни, и вовсе не из-за Бродского. Так вот. Я пришел в гости к моему другу Сереже Артамо-

нову в Кривоарбатский переулок и неожиданно встретил там московскую поэтессу Анну Наль, которая переменяла мою судьбу... Там был и Иосиф, и мы сразу заговорили о поэзии. Он стал очень фамильярно спрашивать: «Как поживает Борух?» – это он так, иронически, называл Слуцкого. Я закричал: «Как тебе не стыдно?! Борис Абрамыч Слуцкий – великий поэт!» Для меня тогда Слуцкий был величайшим поэтом. «А Дезик?» Я ответил: «И Давид Самойлов тоже». Бродский

– Откуда пошла авторская песня: от русского ли фольклора, от французских шансонов?

– Одним из толковых механизмов появления авторской песни в 60-е годы как самостоятельного искусства на гребне хрущевской оттепели был приезд в Москву Ива Монтана. Об этом никто не вспоминает и не пишет. А ведь сам Булат говорил, что на него большое влияние оказал Ив Монтан. Еще мы открыли Брассанса. И итальянцев. Но это было чисто внешний

Я стараюсь ни о ком не писать плохо, даже если есть такое желание

хлопнул меня по плечу: «Их и тебя можно построить в одну шеренгу и рассчитывать на первый-второй. Вы настолько ниже меня в поэзии, что ты даже себе представить не можешь».

– Это нормально так сказать?

– Ненормально. Но самое удивительное, что он оказался прав. Но с Иосифом было тяжело. Я два раза был в Штатах, и меня разбирало искушение ему позвонить, но я ни разу этого не сделал. Не знал, на что нарвусь... Наверно, зря?

– Наверно... Поскольку ты мэтр «авторской песни», поговорим и о ней. Она была частью интеллигентского сопротивления. Не утратила ли она протестную энергию?

– Утратила, поскольку сегодня в России (во всяком случае, формально) что хошь твори, что хошь говори... Что будет дальше – прогнозировать трудно. Боюсь, что началось удушение всего живого. Тогда авторская песня снова обретет утраченную функцию. Есть еще одна опасность – это попытка общество оболванить, вынуть из него душу, превратить в дебила. Иначе я не могу понять, что за политика на радио, где культивируют благую песню, а молодым людям внушается, что мы должны жить по законам зоны.

толчок. И когда партия и правительство перекрыли все виды искусства Главлитом и своими рогатками, народ пошел в песню... Но, несмотря на разные корни у авторской песни (и цыганщина, и городской романс, и шансон), главный корень – русский фольклорный, что наиболее ярко проявилось в песнях Высоцкого. Хотим мы или нет, все это идет от русских сказителей и от былинных форм.

– Первая твоя песня написана в экспедиции?

– Нет, по заданию комсомольского бюро в 54-м году для факультетского спектакля – и называлась она «Геофизический вальс». А первая песня всерьез – это уже 55-й, когда практически на моих глазах погиб мой товарищ геофизик Адик Образцов. Тело надо было доставать веревками из пропасти... Так я столкнулся со смертью лицом к лицу (я – блокадник, но там это было иное). «Песня поисковой партии» написана на Памире... Второй же серьезной песней стала песня «Снег» – 58-й год. Моё летоисчисление песенное – со «Снега», а песни, идущие следом («От злой тоски не матерись...», «Кожаные куртки...»), стали растворяться в народе.

– А как ты относишься к чужому исполнению стихов живущих и давно ушедших авто-

ров – ведь существует мнение, что оно неорганично и излишне. Так считал замечательный поэт Корнилов: зачем, дескать, петь стихи Блока или Есенина, если они этого не предполагали и все, что хотели, сказали без музыки?

– Это совпадает с мнением моего друга Кушнера, который считает, что настоящее стихотворение самодостаточно и музыка в нем уже «записана». Хотя когда Гриша Гладков или Александр Дулов стали писать на кушнеровские стихи песни, Саша как-то с этим смирился. Вот и Самойлов тоже говорил: «Настоящая поэзия не нуждается в гитарной подпорке». Каждый имеет право на максимализм... Что касается Володи Корнилова, то я его очень любил. Сильнейший поэт и трагическая личность. Какое было безобразие, когда ему не дали Госпремию в 90-х!.. А познакомился я с ним в 56-м году в Ленинграде, на квартире у Нины Королевой, куда мы пришли после литобъединения – Корнилов читал нам поэму «Шофер». А я – свои стихи «Будапешт 56-го года», за которые и посадить могли. «Танк горит на перекрестке улиц – / хорошо, что этот танк горит!»

– Ты давно пишешь мемуарную прозу – я ее с азартом читаю. Как ты для себя определяешь границы откровенности? Можно ли выдавать тайны еще живых людей?

– Я чужие тайны стараюсь не выдавать. Это не мое дело. А еще я стараюсь в мемуарах писать не о «себе любимом», а о других. И еще: ни о ком не писать плохо, даже если есть желание. Я вдруг понял: как написать – так и останется.

– И впоследствии – твой девиз на оставшиеся годы?

– Я когда-то зачитывался Ромеком Ролланом. У него есть такая фраза: «Лучше жалеть о том, что пошел, чем о том, что не пошел». Эта фраза толкает меня на всякие авантюры. И второе. Моим любимым героем остается Амундсен, открывший два полюса. Он сказал: «Человек не может и не должен привыкать к холоду». А ведь он два полюса открыл! Такая вот штука...

Беседовала Татьяна Бек